

Фельетонъ.

Хорошій Ванькинъ день.

(Эскизъ).

... Проснувшись, Ванька запустилъ обѣ руки въ свои волнистыя, русые вихры, прилежно почесался, и круглая рожа его расплылась въ широкую сияющую улыбку. Его щеки, приподнятыя улыбкой кверху, округлились, какъ два румяныя яблока, около голубыхъ глазъ собрались лучистыя складки и умильно прищуренныя глаза, сверкая изъ двухъ узкихъ щелочекъ, освѣтили всю его молодую жилистую фигуру свѣтомъ гордости и счастья...

Вышелъ въ люди!

Третьяго дня Ванька, придя изъ деревни, порядился въ подмастерья къ маляру Филимонову, у котораго раньше прожилъ четыре лѣта въ ученикахъ, — порядился за цѣлыя тридцать рублей въ лѣто! Вчера онъ получилъ треть денегъ въ задатокъ, шесть рублей отослалъ домой, купилъ за рубль восемь гривенъ гармонію, — потому что какъ же можно мастеровому человѣку безъ гармоніи жить? — купилъ жилетку за три четвертака, а остальные деньги обрекъ на „прогуль“. Сегодня — праздникъ, и Ванька намѣренъ должнымъ образомъ отпраздновать свое повышение.

Онъ вскочилъ съ нарѣ и сталъ обувать сапоги. Вчера вечеромъ онъ ихъ смачно намазалъ дегтемъ, и теперь отъ нихъ идетъ этакій задорный запахъ, отъ котораго даже въ носу щиплетъ; они стали мягкіе, легкіе и чуть-ли не сами собой вскочили Ванькѣ

на ноги. Обувшись, онъ взглянулъ на нары, гдѣ въ разнообразныхъ позахъ раскинулось шесть тѣлъ, а въ самомъ углу, свернувшись въ калачикъ, спалъ ученикъ Гришка, отбывавшій второй годъ ученья. Ванька сдѣлалъ строгое лицо и, подойдя къ нему, дернулъ его за ногу.

— Ты, дьяволенокъ! Дрыхни!

— А?—сонно спросилъ Гришка.

— Иди воды налей въ ракушечникъ...

Заспался...

— Счасъ...—пообѣщавъ Гришка и, поджавъ ногу, заснулъ.

Новый подмастерье еще строже сдвинулъ брови и опять протянулъ руку къ ногѣ ученика... Но вдругъ смѣшливо фыркнулъ, махнулъ рукой и пошелъ въ уголокъ мастерской. Тамъ надъ грязной лоханью висѣлъ глиняный умывальникъ, похожій на человеческую голову, повѣшенную за уши. Воды въ немъ было много, и Ванька, съ удовольствіемъ фыркая и отдуваясь, полными пригоршнями сталъ плескать ее себѣ на лицо. Потомъ онъ отперъ свой сундучишко, стоявшій подъ нарами, досталъ оттуда рубашку, новую ситцевую рубашку, жилетъ и гармонію, вытеръ лицо и руки, причесался, надѣлъ рубашку, жилетъ и захотѣлъ узнать—каково онъ теперь выглядитъ? Но зеркала у него не было. Это обстоятельство заставило Ваньку нѣсколько секундъ задумчиво простоять среди мастерской, послѣ чего онъ нашелся—вышелъ въ сѣни и тамъ, открывъ кадку съ водой, наслаждался отраженіемъ своей круглой довольной рожи. Оказалось, что нужно еще разъ причесаться. Онъ исполнилъ это и снова задумался—что-же теперь дѣлать? Идти въ трактиръ?

Но еще рано и трактиры по случаю праздника должны быть заперты... Онъ сѣлъ на лавку подъ окномъ и посмотрѣлъ на дворъ.

Дворъ былъ грязный, сплошь заваленный всякимъ хламомъ, но все это было облагорожено яркимъ блескомъ весенняго солнца, и оно действительно поманило Ваньку вонъ изъ низкой комнаты съ сѣрыми отъ сырости стѣнами, вонъ—на воздухъ и на свѣтъ. Онъ взялъ подъ мышку гармонію, надѣлъ картузь и вышелъ изъ мастерской, рѣшивъ дожидаться у воротъ, когда проедутся товарищи, и вмѣстѣ съ ними идти пить чай...

Степенно усѣвшись на лавкѣ у воротъ, Ванька положилъ гармонію себѣ на колѣни, а она при этомъ какъ-то просительно пискнула, точно говорила:

— Поиграй!

У Ваньки не нашлось резона отказать гармоникѣ въ ея желаніи,—въ немъ широкой волной переливалось доброе и живое чувство, радости, охота заиграть и зацѣть на всю улицу; онъ взялъ гармонику въ руки и бойко извлекъ изъ нея переливчатый аккордъ.

Хорошо!

Онъ улыбнулся задорнымъ звукамъ и, перебирая пальцами по клавишамъ, впоголо-са сталъ подцѣвывать:

— Д' и оженила молодца

Да чужа дальняя сторона-а

И чу-ужа дальняя сторонка...

— Фармазонъ!—раздался рѣзкій возгласъ—Обѣдня еще идетъ, а ты уже дьявола тѣшишь... Экій бусурманъ некрещеный!

Это ругаласьстряпка Тимофеевна, высунувъ красное толетое лицо изъ окна надъ головой Ваньки.

Въ другое время онъ сцѣпился-бы съ Тимофѣевной зубъ за зубъ, но сегодня у него не было такого желанія, хотя эта баба много горькихъ обидъ нанесла ему въ ту пору, когда онъ былъ еще ученикомъ.

— Али еще не отошла? изумился онъ, поднимая кверху улыбавшееся и немного сконфуженное лицо.

— Не отошла! Ишь выпялился, ни свѣтъ ни заря... Гдѣ бы въ церковь сходить...

Окно закрылось...

Ванька съ сожалѣніемъ взглянулъ на гармонію и живо сообразилъ, что если онъ пройдетъ въ конецъ улицы и тамъ сядетъ на Фроловскомъ пустырьѣ, то можетъ играть сколько душъ угодно—никто ему не помѣшаетъ. Поправивъ картузь на головѣ и сунувъ гармонію подъ мышку, онъ двинулся вдоль по улицѣ неторопливой походкой гуляющаго человѣка, гордо неся свою голову, степенно поглядывая по сторонамъ, а внутри его все играло и вздрагивало въ страстномъ желаніи вырваться наружу въ пѣснѣ, въ смѣхѣ, въ пляскѣ—какъ нибудь и въ чемъ бы то ни было—лешь бы вырваться.

Вотъ идетъ навстрѣчу ему старуха—нищая, стуча костылемъ по троттуару, изогнутая въ дугу, обвѣшанная лохмотьями. Ванька, поравнявшись съ ней, спрашиваетъ ее, сунувъ руку въ карманъ своихъ штановъ.

— Копѣчка есть у тебя, бабушка?

— Есть, родимый, есть,—торопливо отвѣчаетъ старуха.

— Ну-ка давай ее... а это тебѣ, для праздника, семишникъ...

И онъ даетъ ей двѣ копѣйки, даетъ и съ чувствомъ довольства и радости слушаетъ добрыя пожеланія, которыми старуха устилаетъ ему путь.

На крыльцѣ одного дома лежатъ ^{попе-}сѣрая длинномордая собака — Ваня ^{Рож-}чувствуетъ неодолимую охоту прильнуть къ собакѣ руку и, щелкая пальцами, посвистываетъ ей:

— Фью, фью! Цы! Подъ сюда... Барбось! Дружокъ! Славный песъ... ну — фью, фью! Но собака не расположена любезничать съ Ванькой: она косить на него глаза, скалить зубы и урчитъ.

— Дура! — говоритъ ей Ванька, проходя мимо собаки, но онъ ни мало не обиженъ ея поведѣніемъ.

Телѣга ломового извозчика, нагруженная какими-то бочками, вывернулась изъ перелука и задѣла колесомъ за тумбу. Извозчикъ, воссѣдая на бочкахъ, бьетъ лошадь возжами и безнадежно ругается. Ему лѣнь слѣзть на землю, хотя положеніе дѣла и требуетъ его присутствія на ней. Но Ванька сегодня готовъ помогать всѣмъ людямъ на свѣтѣ: ему пріятно жить въ этотъ ясный день и онъ, не думая, желаетъ быть для всѣхъ пріятнымъ...

— Вороти лѣвѣе, дядя! — совѣтуетъ онъ извозчику, кладетъ гармонію на тумбу и хватается за телѣгу, изо всей силы пихая ее въ сторону.

— Спасибо! говоритъ извозчикъ, оскаливъ зубы. Молодчага ты, парень!

— Вали, поѣзжай! — отдуваясь отъ напряженія, говоритъ Ванька.

Вотъ онъ приходитъ на пустырь. Тамъ толпа ребятшекъ играетъ въ бабки. Ванька радъ ихъ видѣть и въ то же время чувствуетъ, что неловко такъ прямо сѣсть да и заиграть, при мальчишкахъ. Надо хоть

Въ разговорѣ съ ними, что-ли... И присмотрѣвшись къ ходу игры, онъ уже команду мальчишкамъ.

— А ты, Мартузь, съ навѣса-то не бей, это не порядокъ! Бей въ разрѣзъ, чтобы, значить, — битка въ конь, — бабки въ бѣгъ... Вотъ... Ну-ка, рыжій, помѣться хорошенько... р-равъ! Ловко! Двухъ цѣнъ вышибъ... ай да рыжій! Ну-ка ты теперь... а ты не нашагивай, шагай въ мѣру, на что прискакиваешь? Вотъ те я мимо далъ!

Ребятишкамъ нравится Ванькино участіе въ ихъ игрѣ, они видятъ въ немъ знатока дѣла и внимательно прислушиваются къ его замѣчаніямъ, одинъ изъ нихъ даже рѣшается отдать подъ его опеку свои дѣйствія, начинаетъ спрашивать его.

— Куда мнѣ катить? Остаться у коза?

Ванька серьезно разсматриваетъ его битку, находитъ ее легкой, выбираетъ другую. Потомъ совѣтуетъ, какъ надо цѣлить въ конь.

— Ты лѣвый глазъ прищурь, руку вытяни по правому глазу, потомъ размахнись ей и, когда она въ одну точку съ глазомъ встанетъ, — пускай битку! Понялъ?

Другихъ ребятишекъ тоже интересуютъ его уроки, и, окружая его, они наперебой спрашиваютъ у него совѣтовъ. Онъ никому не отказываетъ и, чувствуя себя хозяиномъ положенія, становится внушительно серьезнымъ. Но вспомнивъ, что уже въ мастерской навѣрное встали и пора идти въ трактиръ пить чай, онъ оставляетъ мальчишекъ и вновь идетъ по улицѣ, углубленный въ мечты о томъ, какъ онъ будетъ сидѣть въ трактирѣ и слушать „машину“. Она играетъ одну очень хорошую, но трудную

музыку, которую куда какъ хорошо бы перенять и изобразить на гармоникѣ!..

Послѣ полуденъ Ванька снова на улицѣ. Заломивъ картузь на затылокъ, съ лицомъ краснымъ отъ оживленія и нѣсколькихъ рюмокъ водки, выпитыхъ давеча въ трактирѣ, Ванька шествуетъ съ гармоніей въ рукахъ и съ могучей радостью въ сердцѣ, съ радостью, которую онъ долженъ сдерживать, ибо у нея нѣтъ выхода, не во что отлиться, шествуетъ и смутно ждетъ чего-то очень хорошаго и отъ себя, и отъ людей. Онъ не пьянъ, но считаетъ нужнымъ показывать, что немножко „клюкнулъ“,—это придаетъ человѣку больше шика и удалства. Онъ пошатывается на ногахъ, щуритъ глаза и часто, размашистымъ движеніемъ руки, поправляетъ картузь на головѣ, сбивая его все болѣе на затылокъ. Ему хочется пѣть и онъ затягиваетъ высокимъ фальцетомъ:

И ужъ ты, с-садъ-ли, и мой садъ!
Да, садъ зелѣененькій...

Но суровый полицейскій солдатъ, стоящій среди улицы, противъ такого развлеченія.

— Эй ты!..—говоритъ онъ Ванькѣ и внушительно грозитъ ему пальцемъ.

Ванька обрываетъ пѣсню и двигается на полицейскаго съ добродушнѣйшей рожей, вопрошая его:

— Нельзя рази?

Полицейскаго подкушаетъ эта праздничная фигура своимъ юнымъ довольтвомъ и онъ отечески внушаетъ:

— На улицахъ пѣніе не дозволяется...

— Не дозволяется? — переспрашивает Ванька.

— Никакъ нельзя... Ступай домой... а то иди за городъ и тамъ—можешь...

— За городомъ?

— Вотъ... Вонъ иди за кладбище и—вали тамъ...

— Тамъ, стало быть, можно?

— Сколько хощь...

— Ну.... благодарю! Спасибо... угостить папироской? Желаете?

— Намъ нельзя... на посту мы...

— А то—извольте...

— Не надо... иди себѣ тихо... или.

— Могу... я понимаю—строгость!—говоритъ Ванька, хмурия брови, и мирно отходить отъ полицейскаго.

Но какъ-же и чѣмъ ему выразить обуревающее его чувство жизни? Отойдя нѣсколько сажень, онъ снова вполголоса начинаетъ напѣвать:

— На томъ-ли полѣ серебристомъ
Стояла дѣва предъ лу-уной
И увѣр ряла небо чистымъ
Хр-рани до гроба свой покой...

Вспомнявъ о полицейскомъ, онъ оглядывается назадъ и видитъ, что стражъ укоризненно киваетъ ему головой. Тогда Ванька кричитъ ему, приставивъ ко рту кулакъ:

— Не буду больше... не буду!

И, махнувъ рукой, нѣкоторое время идетъ молча, чувствуя стѣсненіе и чего-то желая.

Вотъ маленькая бакалейная лавочка. Ванька ферткомъ входитъ въ нее и вѣжливо говоритъ:

— Дозвольте папиросъ...

— Какихъ вамъ?..

— Какихъ? Въ... пять копѣекъ десятокъ!

— Вотъ извольте—„Ласточка“!!

— „Ласточка“? Хорошія?

— Самыя лучшія...

— Беру... А теперь дозвольте... полфунта орѣховъ:

— Какихъ—кедровыхъ, волоцкихъ, простыхъ?

— Какіе лучшіе... которые скусиѣе...

— Это волоцкіе,—рѣшаетъ лавочникъ.

— Дозвольте полфунта болоцкихъ...

У него есть папирсы, да и орѣховъ онъ совсѣмъ не хочетъ, но нужно-же что нибудь дѣлать!

А тутъ, покуная, по крайней мѣрѣ, хоть съ человѣкомъ говоришь...

Изъ такого-же мотива Ванька заходитъ въ портерную и выпиваетъ тамъ бутылку пива. Но въ портерной пусто, скучно и душно. Нѣсколько ошалѣвшій отъ пива, онъ снова шагаетъ по улицѣ и чувствуетъ, что теперь уже ему можно и не притворяться пьянымъ—и такъ хорошо его пошатываетъ. Въ головѣ у него туманъ, а на сердцѣ уже менѣе ясно... А все-таки хочется пѣть.

Онъ приснаравливаетъ гармонику и играетъ на ней знакомые мотивы, то и дѣло сбиваясь съ одного на другой. Но и это не удовлетворяетъ его... Тогда онъ начинаетъ подыгрывать на губахъ

— Ти-ри-ри-рю-та, ту-та-ту-та...

Это ему нравится и онъ побѣдоносно смотритъ вокругъ себя. Но онъ находится на какой-то глухой улицѣ, на ней всего двое или трое прохожихъ... Даже и домовъ нѣтъ:—одни заборы... а вонъ желѣзная рѣшетка, за ней—газонъ, за газономъ и группой деревьевъ—большое бѣлое зданіе съ массой

окопъ... Ванька мелькомъ вспоминаетъ, что это зданіе—институтъ, и что два года тому назадъ онъ красилъ въ немъ полы...

Онъ идетъ дальше... и въ душу ему змѣей вползаетъ скука, губительница людей... Онъ чувствуетъ это и дѣлаетъ усиліе изгнать ее. Гармоника растягивается въ его рукахъ во всю длину мѣховъ и произительно, крикливо поетъ забористые аккорды, а Ванька уже съ яростью подпѣваетъ:

— Ти-рли-рлю-та, ту та ту-та
И шель я и мимо института!...

Слова эти являются у него совершенно неожиданно и онъ сначала даже изумленъ ими... но послѣ краткой паузы Ванька вдохновенно и во все горло оретъ.

— Ти-рли-рлю та-ту-та-ту-т—
Стоить крѣпко д' институтъ!

Это кажется Ваньхѣ ужасно смѣшнымъ, онъ открываетъ ротъ и, прижавъ гармонію къ животу, — хохочетъ во всю емкость своихъ легкихъ, хохочетъ надъ своимъ творчествомъ и долго онъ хохочетъ, прижавшись спиной къ забору и покачиваясь на ногахъ...

Заходитъ солнце, бросая на бѣлую штукатурку домовъ розовый отблескъ; безшумно стелются по улицѣ тѣни...

Идутъ парами гуляющіе, постукивая о тротуары тростями, въ сыромъ весеннемъ воздухѣ звучитъ смѣхъ и говоръ... И рыдающій голосъ Ваньки громко возглашаетъ:

— Я самъ-м-мастеръ... а ты дерешься...
Можешь ты это... а?

Ванька является въ улицу изъ какого то узкаго переулка, является растрепанный, развинченный и, очевидно, глубоко оскорбленный. Издали кажется, что онъ на каждомъ шагу своего пути преодолеваетъ нѣкоторыя, ему одному видимыя, препятствія—такъ высоко онъ поднимаетъ ноги и такъ часто сворачиваетъ въ сторону съ прямой линіи... Изъ устъ его медленно исходятъ горькіе упреки по чьему-то адресу, а слова его такъ же путаются, какъ и ноги...

— М-морозъ трещить и вью-га воетъ
И тройка к коней у воротъ—
Луна сія-ить...

— Ты чего орешь?—строго спрашиваетъ Ваньку какой-то баринъ, высокій и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ...

Ванька таращитъ на него глаза и объясняетъ:

— Я пою, ваша степенсь... по случаю праздника... и какъ теперь я—ма-астерь... фью! будетъ ужъ! шабашъ! я теперь—самъ мастеръ!

— Ванька съ гордостью колотитъ себя кулакомъ въ грудь и вдругъ со слезами въ голосъ кричить:

— Но онъ меня—за волосы. .

— А вотъ я тебя—въ полицію отправлю!—сурово восклицаетъ баринъ.

— Не надо!—отрицательно качаетъ головой Ванька... Я больше не буду... я понимаю—порядокъ! И... я уйду. Что такое? Развѣ я—чтонибудь могу?...

М. Горькій.